

Каждую зиму он играл в театре, где было жарко и душно, свет был очень яркий, приходилось напрягать всё тело, движения были широкими, голос громким, и после каждого выступления костюм промокал насквозь, так что о холоде не было и речи. В прошлом году в это время он снимался в фильме «Два города», действие которого происходило зимой. Он был тепло одет, под одеждой можно было приклеить грелки, а съёмки проходили на юге, так что дискомфорта не было.

В этом году он оказался в холодном Байшуе, где было много съёмок на открытом воздухе, и в начале зимы приходилось снимать все четыре сезона. Иногда даже грелок не было. Он наивно думал, что избавился от некоторых старых проблем, но они просто затаились, ожидая момента, чтобы вырваться наружу, когда он будет наиболее уязвим.

К счастью, киностудия была небольшой, и вскоре они добрались до гостиничного номера.

Вдвоём они дотащили Гу Чуньяла до ванной. Сяо Жофэй помог ему снять одежду и удалить макияж, а Чжан Ичэн занялся наполнением ванны. Он закрыл слив, включил горячую воду, и звук текущей воды заглушил их разговор.

Раньше, когда Чжан Ичэн перешёл под руководство Гу Чуньяла, Сяо Жофэй предупредил его, что у этого человека мало требований, он добродушен, покладист и с ним легко, но иногда он погружается в свой мир. В такие моменты лучше оставить его в покое, он точно не будет мешать работе. Единственное, о чём нужно помнить, — не спрашивать о его семье в разговорах и всегда иметь под рукой майку на случай, если потребуется примерка костюма.

За время, проведённое вместе, Чжан Ичэн не заметил ничего особенного, и слова Сяо Жофэя казались вымыслом.

Но только сейчас, взяв Гу Чуньяла за руку и увидев через щель в одеяле беспорядочные шрамы на его спине, он понял, что слова Сяо Жофэя не были сказкой, не чужой историей, а реальностью, происходящей с самым близким человеком.

Ему вдруг захотелось заплакать, но сейчас это было нельзя — слёзы только добавили бы беспокойства. Он продолжил наполнять ванну, слушая, как Сяо Жофэй, снимая макияж, говорил Гу Чуньялау, чтобы тот был осторожен и не перенапрягался, ведь такая сильная боль не возникает без предупреждения.

Чжан Ичэн усердно кивнул, увидел, что ванна почти полна, выключил воду, встал и сказал:

— Вода готова.

Затем он собрался помочь Гу Чуньялау залезть в ванну.

— Ичэн, что случилось? — Сяо Жофэй вместе с Чжан Ичэном помогли Гу Чуньялау в ванну, затем он вытащил салфетку из коробки, приложил к лицу Чжан Ичэна, хорошенько протёр и, прижавшись к его уху, сказал:

— Спасибо за помощь. Можешь ещё сбегать в столовую? Я отправил тебе список на телефон.

Чжан Ичэн недоумевал:

— Разве я не должен помыть Чуньяла... то есть учителя?

— Это я сделаю, а ты поможешь с поручением, хорошо?

Чжан Ичэн подумал, что это полный бред:

— Ты же сам почти калека, рука в бинтах, как ты собираешься мыть? Тебе самому нужно, чтобы кто-то мыл голову, разве нет?

— Себе голову можно мыть двумя руками, а другому — одной. В мире есть такая вещь, как перчатки, понимаешь?

Чжан Ичэн не стал спорить. Если Сяо Жофэй что-то решил, то никакие силы в мире не смогут его остановить, тем более двадцатилетний парень. Он взглянул на сообщение в WeChat, где был рецепт лапши с помидорами и яйцом. Такую простую вещь мог приготовить любой повар, и он не понимал, зачем нужен был именно этот рецепт. Но раз Сяо Жофэй сказал, он должен был выполнить.

Когда Чжан Ичэн ушёл, Сяо Жофэй наконец смог уделить внимание человеку в ванне. Он перевязал раненую руку и, подойдя к ванне, увидел, что Гу Чуньлай, прислонившись к краю, заснул.

Это было опасно, но Гу Чуньлай спал крепко, обняв ноги, только голова оставалась снаружи. Его обычно холодные глаза были прикрыты веками, ресницы сплетались, а тонкие губы сжались в линию, слегка опустившись, что придавало ему грустный, но спокойный вид.

Сяо Жофэй не мог вспомнить, как давно он видел Гу Чуньлая таким беззащитным. Неосознанно он поднял руку и подложил её под голову Гу Чуньлая, надеясь, что тому будет удобнее.

После напряжённого дня Сяо Жофэй наконец получил момент покоя, когда не нужно думать о работе или съёмках, а просто быть рядом с Гу Чуньлаем, не думая ни о чём. В ванной было тихо и тепло, и сильная усталость снова накрыла его, словно пар, наполненный алкоголем, заставляя глаза закрываться.

Он уже собирался разбудить Гу Чуньлая, чтобы тот помылся и лёг спать в кровать, как вдруг на раковине раздался звонок будильника. Вибрация разносилась по мраморной поверхности, как далёкий колокол в тесном пространстве, мгновенно разгоня сонливость.

Гу Чуньлай резко поднял голову, широко раскрыв глаза, тяжело дыша, словно невидимая рука выдернула его в незнакомый мир. Его глаза метнулись по сторонам и остановились на Сяо Жофэе, растерянность в его взгляде мгновенно исчезла, губы из удивления превратились в улыбку, а глаза сузились до щелочек.

— Кажется, не опоздал, — Гу Чуньлай ещё не перевёл дыхание, но в его голосе звучало возбуждение.

Сяо Жофэй тоже улыбнулся, поднял руку, чтобы стряхнуть с лица Гу Чуньлая капли воды, и спросил:

— Что случилось?

Гу Чуньлай дотянулся до телефона на раковине, разблокировал его, открыл WeChat и быстро набрал сообщение. В следующую секунду телефон Сяо Жофэя тоже зазвонил. Он сказал:

— Мог бы просто сказать в лицо, — но рука невольно потянулась к телефону.

Когда экран загорелся, в центре появилось уведомление от [Цветка] с текстом:

[С днём рождения.]

Он открыл его, и на экране начали падать бесчисленные торты со свечами, словно сладкий и совершенный сон.

— Я был первым?

Гу Чуньлай улыбался слаще всех этих тортов вместе взятых. Такого выражения лица Сяо Жофэй никогда раньше не видел.

Он едва мог прийти в себя.

— Кто мог опередить тебя, — сказал Сяо Жофэй. — Ты, конечно, первый.

Гу Чуньлай опёрся на край ванны, с довольным видом, словно его план удался, и размашисто махнул ногой.

Раньше каждый год в полночь 11 ноября он стеснялся первым написать эти четыре слова, всегда ждал, пока другие начнут поздравлять, и только тогда отправлял красный конверт.

В этом году их отношения наконец наладились, и Гу Чуньлай больше не стал колебаться, специально поставив будильник на 23:59 10 ноября, чтобы первым поздравить.

Когда они учились в университете, в чей-либо день рождения они тайком собирались в одной из комнат общежития после отбоя, укутывались в одеяла и садились на пол. Семь экранов телефонов светились, готовые к действию, а именинник устанавливал будильник на 12 часов. Когда он срабатывал, единственный тёмный экран загорался, и именинник объявлял победителя, который на праздничном ужине мог разделить с ним все странные украшения на торте.

Каждый год 11 ноября победителем становился Гу Чуньлай; 1 апреля первым, кто зажигал экран Гу Чуньлая, всегда был Сяо Жофэй. Так продолжалось три года, а на четвёртый год Бай Яньнань, снимавшийся в другом городе, специально приехал, чтобы поздравить Сяо Жофэя. Когда восемь человек собрались вместе и время подходило к концу, в верхней части диалога Гу Чуньлая вдруг появилась цифра 1.

Он поспешно переключился и увидел личное сообщение от Бай Яньнана, в котором тот, всегда бывший вторым, на этот раз, как парень, хотел быть первым, и спросил, может ли Гу Чуньлай уступить ему.

Гу Чуньлай замешкался, будильник прозвенел, он вернулся в чат и нажал «отправить», но перед ним уже было ровно шесть человек.

Первым был Бай Яньнань.

— Это же хорошо, правда? — Гу Чуньлай сбросил одеяло, наконец получив возможность дышать. Увидев, что Сяо Жофэй, сидящий напротив, смотрит на экран, он тихо сказал:

— Поздравляю, ты получил то, что хотел.

В этот момент Бай Яньнань вошёл в комнату с тортом, пламя свечей колебалось, а воск капал вниз. Обычно Сяо Жофэй заказывал шоколадный торт, трёхъярусный, украшенный брауни и

профитролями, но на этот раз торт был простым, без украшений, только с толстым слоем крема, похожим на работу ученика.

Только в центре торта две фигурки были окружены свечами, словно сцена из самого романтического фильма.

<http://bllate.org/book/15563/1415693>